

К. Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ

Зачем нужны памятники Ивану Грозному?

<Печатается с сокращениями>

Немцы по Гитлеру пусть сами решают. А мы даем всем. Всем поставить! Степашину поставьте, Медведеву, Зюганову — пусть он успокоится. Моя скульптура уже готова.

В. В. Жириновский

— Силы небесные! — воскликнул я вне себя от изумления. С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

— Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку — основное качество сыщика.

— Поразительно! Как будто его портрет!

— Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическом и в духовном отношении. Вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ. Он тоже Баскервиль, это совершенно очевидно.

— И метит в наследники.

А. Конан Дойл.

«Собака Баскервилей»

Год 2019 принес России еще один памятник Ивану Грозному, а точнее — перенос с Аллеи правителей России, установление и торжественное открытие уже два года назад изготовленной скульптуры на постаменте в Александрове. Церемония открытия памятника

состоялась 7 декабря. Как и ранее, на мероприятии отметилось имперское лобби, овеванные славой популярные лидеры национал-патриотической фронды*. Комментируя это событие, попробуем увидеть в нем тенденции в развитии политической культуры наших дней, дискурсов власти, идеологических форм, которые сегодня в чем-то более предсказуемы, чем вчера, а в чем-то все еще незаметны для широкого зрителя, потребителя знаков и символов растущих вокруг нас сооружений монументальной пропаганды. Ниже мы покажем, что памятники Ивану Грозному не имеют научно-исторической ценности в качестве визуальных репрезентаций «России XVI века», не отражают они и разделяемых широкими массами коллективных значений, вокруг которых могло бы сложиться какое-либо общественное согласие. Наконец, мы увидим, что строительство новых идеологических объектов предназначено для утверждения идеалов и истин, просто-таки вредных для профессиональной научной истории, гражданского отношения к прошлому нашей страны, для культивирования региональной самобытности и туристического бизнеса. Сразу отметим, что нас не будут интересовать отдельные художественные решения при исполнении памятников Ивану Грозному. Вопрос художественных качеств в данном случае вторичен по отношению к более общим задачам, которым подчинены композиционные решения скульпторов и их прямых заказчиков.

Прежде всего, памятник историческому деятелю — это воспроизведение реалий прошлого, сочетающее элементы художественного вымысла с работой по воссозданию реальности. В нашем распоряжении всего — «всего», но этого не так уж мало — шесть групп источников, позволяющих судить о том, как выглядел Иван Грозный.

* Памятник создан при поддержке фонда «Русский витязь», в котором за установку скульптуры высказалось 10 из 11 экспертов. Кто эти эксперты? Как проходил конкурс? Это тайна. Подготовка торжеств легла на Министерство культуры и администрацию Александровского района. Боролся за возвращение памятника из Москвы и «Совет избирателей Александровского района», из соображений развития местного туризма и пользуясь митингами против создания на месте памятника городской мусорной свалки. В церемонии открытия памятника приняли участие также представители Изборского клуба и РПЦ. Благодаря переносу из Москвы памятник был еще и «спасен» от вандалов. В Москве его изуродовали, после чего две недели восстанавливали на литейном заводе. Этот факт накладывает на возвращение Ивана Грозного в Александров печать символического бегства из Москвы, знаменующего в свою очередь юбилейный жест памяти о спасении Ивана Грозного из Москвы и учреждении опричнины в декабре 1564 г. См. подробнее: (Про Владимир 2019; Зебра 2019).

Сразу назовем их. Первая группа — изображения XVI в., а также спорная по датировке Копенгагенская «парсуна». К ним примыкают портреты отца Ивана Васильевича, великого князя Василия III, и потомков — царя Федора Ивановича и убиенного в Угличе царевича Дмитрия Ивановича. Вторая — словесные описания современников и авторов более позднего времени, возможно, опиравшихся на свидетельства тех, кто видел царя и знал его. Третья — останки царя, а по сути — материалы их вскрытия и исследования 1963 г. К ним примыкают скульптурные портреты-реконструкции М. М. Герасимова и выводы о психосоматическом состоянии царя, полученные из различных источников, но в первую очередь — также благодаря изучению его костных останков. Четвертая — визуальные посмертные репрезентации «портрета Ивана Грозного» вплоть до становления российской художественно-академической традиции. Пятая, и, пожалуй, последняя из всего, что имеет смысл хоть как-то комментировать в контексте истории XVI в., группа источников — это опыты изображения царя Ивана Васильевича в живописи и скульптуре XIX — середины XX в. (скажем, до того же Герасимова и Глазунова). Наконец, шестая — предположения о внешнем облике царя, почерпнутые из не прямых описаний, например, из сочинений самого Ивана Грозного или наших — любых — представлений о его «личности».

Почему это важно знать, когда обсуждается монументальная пропаганда наших дней? Прежде всего, потому что все названные выше группы образов расходятся между собой. Те усилия, которые прикладываются, чтобы воссоздать облик царя, построены не на его «образе как таковом», а на определенных исторических ситуациях, которые художник наших дней в силах разве что наметить в полете своей фантазии. Ответственность художника все же в том, чтобы история оставалась историей, даже в условиях, когда композиция «я и Иван Грозный» звучит вполне легитимно. Звучала бы еще уверенней, если бы на месте Василия Селиванова был Альберто Джакометти или Леонид Соков. Проблема, однако же, в том, что у г-на Селиванова нет выбора — его произведения претендуют на гораздо менее выразительные формы и концептуальные решения, чем скетчи скульпторов-авангардистов и постмодернистов. И чтобы понять почему, обратимся к свидетельствам о том, как выглядел Иван Грозный, почерпнутым из источников. Они хорошо изучались историками, искусствоведами и антропологами, и было бы нелепо не знать этих исследований, если берешься за историко-реалистический скульптурный портрет. И тем более — если скульптор создает

«канонический образ», что надо понимать не иначе как попытку учредить в своем роде светский канон изображения. А ведь именно эту амбицию озвучил скульптор наших дней — В. Н. Селиванов: «Канонический образ царя, чтобы он не был похож на Бориса Годунова, чтобы он не был похож, допустим, на Николая II и Александра III и так далее. То есть этот символ, этот стержень, этот образ царя Ивана — он читается у меня и в скульптуре, и в постаменте» (см.: Телеканал «Россия Культура» 2019).

Как Иван Грозный должен быть «не похож» на Бориса Годунова и в чем величие цели портретно отличить Ивана Грозного от Александра III — пусть останется на совести говорящего. Обратимся к исследователям, не позволявшим себе громких заявлений, чьи мнения невозможно не учитывать, если мы создаем хоть какой-то «канон».

1. Благообразный портрет Ивана Васильевича из Национального музея Дании в Копенгагене сегодня не вызывает ни у кого из специалистов тех восторгов, которые звучали еще в середине XX в. Это «парсуна» не ранее рубежа XVI–XVII вв., дошедшее изображение не прижизненное, а, весьма вероятно, — созданное уже поколением спустя после смерти Ивана Грозного (т. е. после марта 1584 г.)*.

Высокий открытый лоб, кучерявые волосы, большие уши, толстые губы, большой слегка искривленный нос, богатая и окладистая борода с усами, спокойный взгляд — все это навевало исследователям предположения, что портрет или его источник возник до мятежного 1565 г. Вывод этот усложняется тем фактом, что художественный метод в данном случае близок к иконописному, перед нами не портрет, а условность, для которой все названные признаки царя отражают задачи, далекие от того, что в наши дни принято считать реалистическим воспроизведением. Конрад Онаш и Франк Кемпфер указывали, что образ царя Ивана Васильевича на «парсуне» стилизован под формы, воспроизводившиеся в Москве того времени на иконах Иоанна Богослова, а Кемпфер указал на сходство «портрета Ивана Грозного» с образом совсем другого великого князя из Титулярника 1672 г., хоть и предка первого царя — Василия I Дмитриевича (*Onasch* 1961: 395; *Kämpfer* 1985: 188–189, 195–196;

* Ф. Кемпфер склоняется к датировке концом правления царя Алексея Михайловича, т. е. 1670-ми гг. (*Kämpfer* 1985: 187–204). Оценка скептиков еще более сурова: конец XIX — начало XX в. (*Красилин* 1999: 503–513; *Самойлова* 2010: 644–645).

см. также: *Kämpfer* 1978: 172–175). Конечно, еще дальше от портретной точности множество образов первого царя в Лицевом летописном своде XVI в., на одном из клейм иконы Тихвинской Богоматери, на европейских гравюрах того же времени. Миниатюристы Лицевого свода работали в условной художественной системе, которая не была нацелена на точное воспроизведение предметов описания, а лишь маркировала самые общие представления о них, иногда доводя язык иконологии до иконографии, более или менее точно передавая детали и атрибуты персонажей, особенно известных в середине — второй половине XVI в., почерпнутые из доступных миниатюристам источников. «Портреты» Ивана IV в Лицевом своде — самые условные: лицо юного, а с 1558 г. бородатого мужчины, царский венец, одеяние царя, позы, жестикация руками. Популярный в Европе портрет «Московита», «Тирана Васильевича» основан на гравюре, изображающей его же отца (гравюра Ганса Вейгеля 1579 г. — реплика гравюры Эрхарда Шёна 1529 г.) (*Калугин* 1998: 211–212). Несомненно, это важное направление поисков — близкий к портретному лик престарелого великого князя Василия III обнаружен на иконе под условным названием «Святой Василий Великий и великий князь Василий III в молении Богоматери Знамение», датируемой первыми десятилетиями правления его сына Ивана IV (из собрания Государственного исторического музея). Т. Е. Самойлова отмечает, что именно этот образ великого князя «стоит у истоков традиции создания надгробных портретов иконного типа, которая существовала при царском дворе в XVI–XVII вв.» (*Самойлова* 2004: 122–123). В то же время известны изображения, также в немалой мере условные, детей Ивана Грозного: образ царя Федора на Царь-пушке (1586 г.) и на реконструкции по костным останкам и рака царевича Дмитрия (1628–1630 гг.)*. Два художественных опыта претендуют на большее. Образ на винграде орудия «Ревельский лев» 1559 г. (ныне — в Военно-историческом музее артиллерии Санкт-Петербурга) — предполагали, что это царь Иван Васильевич, да еще и в «шапке Мономаха». Хотя очертания лица переданы условно, они отчасти совпадают с другими визуальными репрезентациями царя и с сообщениями письменных свидетельств, что позволило А. Н. Лобину высказать сомнения, не лежит ли в основе изображения «Московита» какой-то печатный источник (например,

* См., например: (*Kämpfer* 1978: 198–199; *Lehtovirta* 1999: 192–193). См. также: («Золотой гроб царевича Дмитрия» 2018).

та же гравюра Шёна)*. Сенсацией наших дней стало раскрытие при помощи мультиспектральной съемки портрета Ивана Грозного на верхней крышке переплета экземпляра «Апостола» Ивана Федорова 1564 г. (также из собрания ГИМ) (*Уханова и др.* 2019: 13–29)**. Борода, спокойный властный взгляд и крупный нос — вот что видно на вероятном портрете царя Ивана Васильевича. Впрочем, видно с трудом даже после высокотехничного проявления медальона на книге, и исследователи еще потратят время, чтобы сопоставить этот прижизненный набросок с образами царя Ивана Васильевича из других источников.

2. Образ царя Ивана Васильевича многократно припоминали встречавшиеся с ним дипломаты, путешественники, авторы Смутного времени, из которых кое-кто мог видеть его вживую или слышать о его внешности от свидетелей. Некоторые фольклорные традиции и песни уходят корнями в ранний XVII в. и, может быть, даже в более раннюю эпоху. Но с датировками песен о царе Иване Васильевиче ранее XVII в. я бы всерьез не считался. Допустим, это когда-то будет доказано: прижизненные свидетельства в песнях. Вряд ли художнику и скульптору наших дней без помощи историков что-то скажут такие характеристики, как «образ нелепый» или «нос протягновен и поклоп», «сухо тело» и т. д. У нас множество сообщений, причем из очень разных источников, о том, что царь Иван Васильевич бывал в «ярости». Или в одной из «народных песен» царь «зревел, как лев да зверь» (*Кобрин* 1989: 3–4; *Флоря* 2009: 429–435). На эти и подобные оценки, заметим, за неимением лучшего опиралась художественная традиция XIX — начала XX в., а вслед за ней — опытный ученый-антрополог М. М. Герасимов. Однако проблемой для искусства классической эпохи было не только внешне передать лик, облик царя, во всей точности следуя источникам, но и отразить его умонастроение, наполнить драматизмом, увидеть за действиями царя эмоции, черты характера: беспокойный и бурный нрав, подозрительность и мстительность. Это очерняет светлый лик? Для начала: это в чем-то не соответствует источникам? Забудем пока про «лик царя» в описаниях современников и людей рубежа XVI–XVII вв. Да, среди них были ангажированные послы, которые в сво-

* Предположение о портретном изображении Ивана Грозного на пушке высказал К. В. Шмелев. См.: (*Богатырев* 2011: 176–178). Дискуссия вокруг гипотезы К. В. Шмелева — С. Н. Богатырева продолжается. См.: (*Игина* 2014: 104–129; *Лобин* 2019).

** См. также: («Ученые выявили...» б/д).

их впечатлениях о царе отражали минутные ощущения — неприязнь, брезгливость, церемониальное негодование, готовность отстаивать дело своего государя перед лицом «московского варвара». Были «изменники», бежавшие от царя. Скажем, перебежчик Давыд Бельский рассказывает о царе, и его слова донесутся до римского папы Григория XIII: каждые пять лет московский царь меняет фаворитов, при этом казнит предыдущих. Были и явные инсургенты, сами беспокойные не менее Ивана Грозного: они вешали на него всех собак, обвиняли в разжигании внутренней вражды и Смуты, одним словом — очерняли... Правильно, мы же не возводим памятники тому, что думал об Иване Грозном какой-нибудь князь Семен Шаховской!

3. И вот мы устремляемся к самому «объективному» источнику — костным останкам Ивана Грозного, которые к апрелю 1963 г. сравнительно неплохо сохранились и после вскрытия гробницы позволили сделать немало ценных выводов о внешности царя и его психосоматическом состоянии на момент смерти. Трудностей для художественных реконструкций наших дней при работе с этим источником немало. Первая — данный источник больше недоступен. А это значит, источником для нас служат решения комиссии Министерства культуры СССР (по вскрытию и исследованию четырех гробниц Архангельского собора Кремля). Надо признать, очень детальные и на многие вопросы давшие недвусмысленные ответы. Вторая трудность — останки царя позволили представить состояние его тела к 18 марта 1584 г., но вряд ли художник или скульптор в наши дни стремился бы увековечить именно такое тело царя: «По заключению ученых, царь был очень силен, смолоду хорошо тренирован — об этом свидетельствует степень развитости рельефа костей его скелета. Правда, обнаружилась серьезная асимметрия торса царя Ивана — правая его ключица была короче, левая лопатка больше и массивней. Прослеживалась у этого человека и асимметрия лица. В последние годы жизни царь Иван, этот некогда мощный и сильный мужчина, вел малоподвижный образ жизни, располнел и обрюзг» (Ланова 2017: 130). Напрашиваются же скульптурные композиции «Тело Вождя», «Мертвый государь» или «Смерть и Царь»... Но мы пытаемся создать канон! М. М. Герасимов, конечно, представил ценную реконструкцию, проведя исследования и попытавшись срастить науку и искусство, а точнее — антропологическое и научно-медицинское сравнение останков царя с известными его портретами, как прижизненными, так и восходящими к русскому искусству XIX–XX вв. (Герасимов 1965: 139–142). Третья загвоздка — царь

на момент своей смерти был, безусловно, болен. Однако до конца непонятно, каков полный диагноз и каков анамнез. Его мучали остеофиты, и он, вероятно, страдал расстройствами, которые сегодня диагностируют как болезнь Бехтерева или как диффузный идиопатический гиперостоз скелета (Панова 2017: 133). Патологические изменения личности, отразившиеся и на здоровье детей царя, начались значительно раньше и отчасти имели генетическое происхождение (Столярова, Белоусов 2014: 7–10). Вряд ли образ скорбленного старца, еще далекого от маститой старости, был бы привлекателен для скульпторов <...> элиты наших дней. А в нашем распоряжении тело, испытывавшее все последствия остеофитов, которые откладываются долго и неизбежно осложняют характер, и так не ангельский, искривляют позвоночник, делают неэластичными суставы. Это непривлекательный образ первого царя, не так ли?

4. Репрезентации Ивана Грозного в рукописях, иконных композициях и различных других церемониальных формах XVII–XVIII вв. носят, как правило, условный характер и восходят в каждом случае к источникам, требующим специального изучения. Сведенные брови царя в Титулярнике 1672 г. отражают представление художника конца XVII в. о «грозном царе», худощавое лицо Ивана IV в композиции «Древо государей российских» (1689 г.) соответствует иконографическому канону, а не подлинной внешности царя (Самойлова 2010: 645–646). Никакого «канона» в этих портретах мы не обнаружим. Пожалуй, к этой группе примыкают предполагаемые поздние реплики (например, имеющий явные поздние черты и весьма отдаленное сходство с образами и описаниями групп 1–3 иконописный портрет царя 1882 г. в Грановитой палате). А ведь это два столетия, отделяющие нас от «оригинала»! Насколько далеки усилия художников и скульпторов XIX в. и более поздних эпох от предмета своей художественной реконструкции!

5. Большую работу по сбору и сравнению изображений Ивана Грозного в XIX–XX вв. провела Н. Н. Мутья. Это тщательное исследование показало, как складывались и претворялись замыслы, внесшие в русскую культуру самые различные представления о том, «как выглядел Иван Грозный». Вывод, который следует из детального историко-искусствоведческого изучения множества артефактов, не оставляет сомнений. Репрезентации царя Ивана Васильевича в русском искусстве не отражают не только государственного культа, но и преклонения перед фигурой «первого царя» (Мутья 2010; см. также: Самойлова 2010: 646–648). Это можно было бы

объяснить относительной свободой художников распоряжаться образом монарха, который был лишь условно «предком» правящей в России XVIII — начала XX в. династии*. В советский период культивировать этот образ попытались только в короткий промежуток времени примерно с 1939 по 1953 г. Причины культа были далеки от научно-исторических**. Однако для «диагностирования» обновленческого движения в культе Ивана Грозного данный период очень значим. Именно тогда Иван Грозный на общегосударственном уровне предстал как политик «с волей и характером», его опричное

* Об этом же неоднократно писал и говорил в устных выступлениях А. И. Филюшкин, отмечая, что государственный имидж Ивана Грозного в эпоху последних Романовых был далек от культа (Филюшкин 2016: 123–130; 2017: 382–397). Н. М. Карамзин невыгодно для первого царя противопоставлял Ивана IV его деду, Ивану III, а историки после Карамзина нередко эпатировали радикальной критикой в его адрес, доказывая, что Иван Грозный — великий исторический деятель. Впрочем, эта тенденция, выросшая как бы из оппозиционной историографии XIX в., была весьма востребована в тех кругах Советской России и СССР, где сформировался первый настоящий государственный культ мудреца и провидца на троне. Возвращаясь к репрезентациям царя в государственной культурной памяти XIX в., важно помнить, что его образ формально отсутствует, а фактически есть, но закамуфлирован в скульптурной композиции «Тысячелетие России» М. О. Микешина, И. Н. Шредера и В. А. Гартмана (памятник открыт в Великом Новгороде 8 сентября 1862 г.). Никаких особых торжеств самому Ивану Грозному в России не было вплоть до первых лет XX в., когда возник первый план создать ему памятник и начался сбор средств на его установку, запланированную на... 1952 г. Казанское Царско-народное общество обратилось еще в 1909 г. с ходатайством о создании памятников русским правителям, среди них — Ивану Грозному: «Казанское Царско-народное Русское Общество, с благовейною умильною благодарностию вспоминая великого государя, покорителя Казанского царства, Иоанна Васильевича Грозного, осмеливается повергнуть к Священным Стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшую просьбу о всемилодивейшем соизволении на сооружение в Казани памятника Царю Иоанну Васильевичу Грозному... Во создании памятника славным делам русского царя могут тогда принять участие все русские люди, любящие свое Отечество и хранящие память о минувших великих событиях» («Об открытии всероссийской подписки на сооружение в Казани памятника царю Ивану Васильевичу Грозному» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187, 1909 г. Д. 143. Л. 1–4 об. Цитируем по книге «Мобилизованное средневековье. Т. 2. Средневековая история на службе национальной идеологии в Российской империи, СССР и на постсоветском пространстве», подготовленной к выпуску в 2020 г. под ред. А. И. Филюшкина в издательстве Санкт-Петербургского университета).

** См. об этом: (Platt 1999: 635–654; Perrie 2001; Дубровский 2005; Юрганов 2011).

войско было прямо названо «прогрессивным», а в числе его ошибок была названа неспособность добить врагов централизации. Историки немедленно поняли, что перед ними культ, требующий не только по-новому снимать кино, но и переписывать исследования. Едва ли не единственным смельчаком, который методично вслух опровергал вымыслы художественных романов, пьес и кинофильмов, был С. Б. Веселовский*. Однако в те годы не могло быть и речи о достоверном монументальном мемориале Ивану Грозному, потому что это шло вразрез с советской политикой художественной пропаганды, в которой не было места царизму. В наши дни таких препятствий художники и скульпторы не испытывают.

6. Соединение всех пяти указанных направлений в поисках кано́на приведет нас лишь к попыткам воссоздать тот образ, который ближе задачам самого художественного опыта, но соблюсти научные конвенции не так уж трудно. Приложив руку к смерти сына, проигрывая поход за походом своим врагам в возобновившейся Ливонской войне, царь еще и драматизировал происходящее, незадолго до этих событий забрав в порыве гнева Лицевой свод, заказав при этом создание «Синодика опальных», продолжая переписку со своими врагами. В Англии безнадежно велись переговоры о женитьбе и так женатого царя. Переговоры с Рудольфом II все еще подавали надежду на вступление в войну Священной Римской империи, тогда как в Священный Престол приходилось направлять призывы уговорить главного соперника — польского короля. Такой царь больше похож на статую «Иван Грозный» М. М. Антокольского (1870–1875 гг.), и не самый популярный в наши дни император прошлого высоко оценил ее, купив у скульптора для «Эрмитажа», тогда как сам Антокольский благодаря ей стал академиком. Скульптор наших дней не обязан воспроизводить тот портрет, который сложился из костных останков больного царя, визуальных источников XVI–XVII вв. и фантазий И. Е. Репина или В. М. Васнецова. Однако реконструкция ученого — это и не «канонический образ» неаккуратного идо́лица.

Если бы мы попробовали восстановить, как выглядел Иван Грозный примерно в 30–40-летнем возрасте, перед нами предстал бы, судя по дошедшим источникам, высокий, уже слегка сгорбленный

* Атмосферу тех лет вокруг выступлений и трудов С. Б. Веселовского об Иване Грозном и опричнине описывает А. А. Зимин в своих воспоминаниях. См.: (Судьбы творческого наследия... 2015: 152).

крепкий мужчина с высоким лбом, крупной челюстью, заметно выпяченной нижней губой, крупным искривленным носом, глаза немного навывкате, глубокие мимические морщины, голова острижена, лицо асимметричное с немало поредевшей раздвоенной бородой и усами. Он мог быть приветлив, но нередко его черты искажались от гнева и наследственного психосоматического заболевания, которое проявлялось то в форме паранойи или маниакального психоза, то как дисфункция, похожая на паническую атаку или на «падучую болезнь». Поиск исторического облика царя Ивана Васильевича должен продвигаться от описаний и реконструкции М. М. Герасимова в направлении портрета на «Апостоле» 1564 г. с учетом изображений отца и детей царя Ивана, а также письменных свидетельств. Вместо этого мы на скульптурах в Орле и Александрове видим мужчину с орлиным носом, глубоко посаженными глазами, далекими от всех свидетельств формами челюсти и узким лицом. Нетрудно обнаружить источники этой портретной традиции — это фольклорно-театральный Иван Грозный русского модерна и в чем-то примыкающего к нему национального возрождения советского времени. Таким его рисовали В. М. Васнецов (1884–1897 гг.), С. М. Эйзенштейн (1941–1958 гг.), И. С. Глазунов (1974 г.) (*Мутья* 2010: 280–282, 338–349, 376–388, 398–401). Конечно, всем названным художникам и многим другим деятелям культуры до конца XX в. были неизвестны наиболее близкие к эпохе источники о внешности царя. В то же время все они переоценивали источники, которые должны считаться в данном вопросе вторичными. В наши дни невнимание к открытиям и исследованиям научного сообщества — это осмысленный выбор, за которым многолетнее неуважительное отношение к исторической науке, потребительное чтение источников и обилие макулатурной публицистики, в которой подчас приходится находить крупницы научного знания.

И здесь отступление о научной истории. Если бы заказчики и создатели памятников Ивану Грозному уделяли хоть немного внимания этой небезынтересной для них отрасли, они бы очень скоро пришли к удивительным для себя открытиям. За последние годы вокруг Ивана IV и «его» времени очень шумно. Эпоха «на виду», хотя отношение к научным исследованиям все такое же унижительное, как и в поздние советские годы. Достаточно сравнить пышные издания Лицевого свода наших дней с качеством бумаги, тиражами и машинным исполнением текстов в изданиях разрядных и родословных книг, описи государственного архива Российского царства

XVI в.! Опубликованы у нас — почти незаметными тиражами — или за рубежом и очень дорого обобщающие работы о времени Ивана Грозного последних двух-трех десятилетий: Б. Н. Флоря, Изabella де Мадарьяга, А. Л. Хорошкевич, А. П. Павлов, Морин Перри, Пьер Гонно, Дьюла Свак, Яакко Лехтовирта, Чарльз Гальперин, В. Д. Назаров, И. В. Курукин, А. Л. Юрганов, М. М. Кром, С. Н. Богатырев, А. И. Филюшкин, В. В. Шапошник, А. А. Булыгчев... Можно было бы долго обсуждать расхождения историков во взглядах, однако никто из этих авторов никогда не поддерживал идею прославления Ивана Грозного. Ее не поддержали бы ни автор «Царства террора» Р. Г. Скрынников, ни тем более автор «Исследований по истории причиныны» С. Б. Веселовский или один из самых ярких историков позднего советского периода В. Б. Кобрин, автор очень необычной для своего времени и актуальной до наших дней биографии Ивана Грозного. Хуже того: историки уже многие десятилетия солидарны в сопротивлении мифам, отравившим не одну научную гипотезу, не говоря уже о жизнях и карьерах самих историков. Наследие конца 1930-х — начала 1950-х гг. и сталинского «исторического ампира» ощущается до сих пор. Одно из лучших исследований о мотивах казней царя, высоко оцененное С. Ф. Платоновым, написано А. П. Приклонским к середине 1930-х гг. и до сих пор ждет своей публикации в фонде академика М. М. Богословского — его автор был уничтожен в сталинских репрессиях*. Исследования А. А. Зимина о времени Ивана Грозного переизданы лишь частично. А это было бы важно сделать, поскольку Зимин после дискуссии о «Слове о полку Игореве» оказался опальным ученым, публиковался реже и не успел закончить пересмотр своих ранних концепций, которые существенно уточнял, внося в свои монографии конца 1950-х — начала 1960-х гг. правку, еще ждущую своих издателей**. Докторская диссертация (1964–1965 гг.) одного из лучших специалистов по эпохе и биографии царя Ивана IV Васильевича, С. О. Шмидта, никогда в полном виде не публиковалась из-за советских издательских порядков и до сих пор известна полностью только в машинописи***. На возобновление научной мысли и оздоровление атмосферы

* См. подробнее: (Ерусалимский 2009: 245–248).

** См., например: (Хорошкевич 2001: 5–17).

*** Автором этих строк при поддержке А. В. Мельникова подготовлено сравнительное исследование текста диссертации и отдельных ее частей, опубликованных в виде монографий и статей.

ры исследований нужны годы дружных усилий многих специалистов. Только откуда взять эти усилия и самих специалистов? Вместо многолетних исследований и взвешенных аналитических оценок проще вытащить из идеологического небытия топорную монументальную пропаганду, неумные комментарии к спешно состряпаным вымыслам и напыщенные издевательства в отношении профессиональных ученых.

Сколько открытий совершается годами в крайне неблагоприятной для научной работы обстановке! Постоянным научным праздником для исследователей стали конференции в музее-заповеднике «Александровская слобода». Многие доклады и дискуссии на них посвящены эпохе Ивана Грозного. В 2006–2008 гг. фирма «АКТЕОН» во главе с Х. Х. Мустафиным провела подготовительные работы, а затем осуществила проект издания гигантского Лицевого летописного свода (в подготовке проекта участвовали специалисты и сотрудники древлехранилиц, где и хранятся фрагменты свода)*. В 2011 г. прошла конференция в Мюнхене по проблемам его изучения, и сборник статей по ее результатам до сих пор так и не вышел. Международный коллектив подготовил к новой научной публикации «Степенную книгу царского родословия» (во главе с академиком Н. Н. Покровским). Этот крупнейший памятник царской идеологии плодотворно изучался Гейл Ленхофф, А. В. Сириновым и А. С. Усачевым и опубликован на новом научном уровне (2007–2012 гг.). Новыми изданиями, выполненными при участии И. Ауэрбах, В. В. Калугина, Ю. Д. Рыкова, К. Ю. Ерусалимского, охвачены и сочинения главного оппонента Ивана Грозного — князя Андрея Курбского (его взгляд на правление Ивана Грозного идеологи нового имперского величия картинно отвергли на открытии одного из памятников). За последние годы изданы отдельные жития из тома его переводов «Симеон Метафраст», закончено многолетнее издание «Нового Маргарита» (буквально в 2019 г.), переизданы на новой научной базе «Сборник Курбского» (2009 г.) и «История о делах великого князя московского» (2015 г.). В 2016–2018 гг. большим коллективом исследователей велись — и еще не закончены — работы по подготовке к изданию дипломатической переписки Российского государства в правление Ивана Грозного. На поприще межгосударственных отношений яркие новые слова — впервые изданные посольская «Выписка» 1573 г., переписка российских властей первых лет правления Ивана IV

* См., например: («Лицевой свод Ивана IV» 2014).

с Великим княжеством Литовским, переписка воевод и наместников времен Ливонской войны, возобновление издания посольских книг, повторное открытие «Титулярника» конца 1570-х гг. Правление «первого царя» было и периодом расцвета контактов с европейскими странами, оно отмечено многочисленными записками иностранцев о России, которые переиздавались и впервые вводятся в научный оборот в наши дни усилиями многих ученых, прежде всего, под руководством недавно скончавшейся А. Л. Хорошкевич. Стремительно совершенствуются методы визуальных, археологических, историко-архитектурных, музыковедческих исследований памятников XVI в., в которых среди прочего воплотились представления о миссии имперской власти, месте православного царства в мире и отношениях подданных с властью. Здесь должны быть ссылки в нашем тексте на сотни публикаций по всему миру, мы их опустим, их несложно до-
бавить.

Вокруг государственного управления, опричных порядков, многих других сфер жизни России XVI в. не умолкают споры. В чем был смысл «реформ Ивана Грозного» и репрессий (и был ли он)? Какие территории, когда и почему вошли в состав опричнины? Где располагался опричный двор в Москве? В чем проявился татарский фактор в войске Ивана IV, в степной политике, в создании и возобновлении опричнины? Можно ли считать Ливонскую войну единым событием, или ливонских войн было более одной в годы его правления? Что представлял институт государевой службы, что означало для российского общества и культуры служить и воевать за царя? Как и почему менялся институт государственной измены? Сколько воинов участвовало в боевых действиях? Существовал ли институт регентства в детстве Ивана IV Васильевича? Как складывался герб и другие символы Российского царства? Как формировалась царская канцелярия, делопроизводство и административные учреждения, местное и церковное управление? Что такое царство и царская власть в восприятии Ивана Грозного и его современников и наследников на российском престоле?

Не сказать, чтобы история монументальной скульптуры обошла все эти события стороной. Скорее — пристроилась. Из дискуссий, разворачивающихся в рядах профессиональных ученых, творцов новой исторической идеологии интересуют, пожалуй, только последние два вопроса. Причем ни исторического драматизма, ни какого-либо участия профессиональных историков и широкой научной общественности в разработке концепции создаваемых памятников

мы не обнаружим. Сторонники культа Ивана Грозного заявляют, что не канонизируют царя, а отстаивают правду. Как заметил С. Ю. Шокарев, эти признания не более чем лукавство (*Шокарев 2017: 67–74*).

Вернемся к последним событиям. Уже к 2015 г. ходили слухи о памятнике Ивану Грозному в Ярославской области. Его планировали воздвигнуть по невинной причине — с целью развития туристического бизнеса региона (*Еремеева 2015: 445–446*). Усилия сторонников прославления царя увенчались успехами уже в следующем году. Памятник Ивану Грозному появился в Орле (2016 г.) (*Интерфакс 2016; РИА Новости 2016*)*, затем был запланирован в Рузе (2017 г.) (*Интерфакс 2017; РИАМО 2017а; 2017б; РБК 2017; Дилетант 2017; Москва 24 2017*)**. В Александрове и Москве (2017 г.), а ныне вновь в Александрове (2019 г.) и был воздвигнут монумент, вызвавший недовольство, перенос в Москву, а затем возвращение на прежнее место***. Это повальное, принимающее эпидемические формы увлечение далекой эпохой поддержано не туристическим бизнесом и не профессиональным сообществом, а приближенными к властной вертикали почитателями «гения» царя Ивана Васильевича. И здесь следовало бы различить научную историографию и активистов скульптурного бума. Почитатели ничего не сделали для изучения эпохи, никак не вложились в осмысление дошедших от нее исторических источников. Их представления об истории и культуре уже не раз звучали в эфире и говорят лишь об одном: «памятники Ивану Грозному» не имеют ничего общего с теми

* Множество частных откликов и отчетов показывают, что памятник в Орле был крупным торжеством для монархических и правоконсервативных сил (*Царьград 2016; ЖЖ 2016*). Недовольство граждан все же было частично учтено: памятник был поставлен не рядом с Театром юного зрителя, а рядом с Богоявленским собором на набережной. Открытие памятника было приурочено одновременно к 450-летию основания Орла и к празднованию Покрова Пресвятой Богородицы и сопровождалось торжествами, в которых приняли участие министр культуры Владимир Мединский, губернатор Орловской области Вадим Потомский и др.

** Подробный отчет о дискуссии в Государственном историческом музее см.: (*Шокарев 2017: 67–74*).

*** Скульптура из Орла, выполненная группой мастеров под надзором О. И. Молчанова, вызвала ответную, протестную, акцию Владислава Гулятьева, который в Канске Красноярского края воздвиг памятник Ивану Грозному в виде окровавленного кола. Монумент позднее спилили. Надо признать, что это был и яркий ответ на пропаганду, и успешная постмодернистская акция. См.: (*ТБК 2016; Радио Свобода 2017; Мослента 2017*).

свидетельствами, которые во множестве доносят до наших дней образ исторического правителя XVI в. Как и его внешность, его «качества» и «роль в истории» воплощены в композициях из Орла, Рузы и Александра. Очарование Ивана Грозного XVI в. видится, прежде всего, в «радении» против «врагов России». Главные качества выточенного в камне и отлитого в бронзе монарха — его регалии, «гроза», царственное величие покорителя и «собирателя» страны. Это лишь внешняя оболочка тех взглядов, которые кроются за волной «народной любви» к Ивану Грозному.

<...> Вопрос об убийстве сына не раз остро звучал в рядах имперской фронды, поклонников и почитателей Ивана Грозного. Чувства обиды за царя прорвались в октябре 2013 г. в обращении лидера движения «Святая Русь» В. В. Бойко-Великого и профессора И. Я. Фроянова и др. деятелей науки и искусства к министру культуры В. Р. Мединскому с требованием убрать из экспозиции Третьяковской галереи картину Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 г.»*. Инициатива исходила из кругов митрополита Санкт-Петербургского и ладожского Иоанна (Снычева), в которых давно обсуждался вопрос канонизации Ивана IV, а в связи с этим — столь знакомые по последним скандальным событиям в научном мире России достоверность записок иностранцев, виновность Ивана Грозного в убийстве духовных лиц и своего сына, а также приговор (он звучит в книге митрополита Иоанна) об атеистическом ходе мыслей оболгавших царя историков (начиная с Н. М. Карамзина и заканчивая С. Б. Веселовским, Д. Н. Альшицем и Р. Г. Скрынниковым) (*Иоанн (Снычев), митр. 2017: 185–247*)**.

* К началу 2013 г. публичный Рунет наполнился фотожабами на тему «Иван Грозный убивает...». См., например: (Н. Подосокорский 2013). Юмор и креатив не заслоняют того, что Иван Грозный с картины Ильи Репина был перенесен на многочисленные художественные объекты, «убивая» девочку с персиками, Ленина и т. д. Это не было частью какой-либо идеологической кампании, но, может быть, и не случайно совпало по времени со зреющим недовольством тем образом прошлого, который был воссоздан на картине Репина.

** Ответ на церковные притязания «свидетелей Ивана Грозного» дал патриарх Алексей II. Существеннее, что оценки митр. Иоанна свидетельствовали о невежестве в подходе к историческим источникам и самосознанию людей XVI в., о чем многократно уже говорилось: (*Коробин 2003: 216–234; Шапошник 2006: 456–458*) (здесь нелепая двусмысленность — хвалебная общая оценка трудов митр. Иоанна (Снычева) при несовместимых с ней источниковедческих замечаниях, в список литературы книга митр. Иоанна также не включена); (*Кнорре 2011: 503–528* и др.).

Конечно, зримое и популярное среди посетителей Третьяковки обличение в убийстве сына набило оскомину почитателям грозного царя. Просьба убрать картину не была поддержана в министерстве, дело было замято. Почитание Ивана Грозного до его воцарения на городских постаментах России почти незаметно для окружающих и не вызвало бы особых эмоций (например, все причастные хорошо знают, что «парсуна» Ивана Грозного выставлена в Соборе Василия Блаженного на Красной площади, и к ней регулярно ходят молиться почитатели)*. Но вот вечером 25 мая 2018 г. на картину в Третьяковской галерее было совершено нападение ее ненавистником в состоянии или под видом помешательства (ТАСС 2018). Трудно не связать нападение с тлевшим в рядах фанатиков негодованием, однако никаких юридических результатов этот ход мысли, конечно, не даст. <...>

Значит ли «спасительная» роль Ивана Грозного в защите православия и русской идентичности, что он заслуживает памятников? Воздвигнутые царю Ивану Васильевичу идолы мало чего сообщают вообще. Они не только создают ложный «канон» в образе деятеля XVI в., но и злоупотребляют минимальными требованиями к исторической достоверности. Все три памятника Ивану IV объединены в самих замыслах идеей самодержавной опричной политики (Орел основан на второй год опричнины, Руза вошла в опричный «удел», а Александровская слобода — его «столица»). Это даже не «Иван Грозный вообще» и не «Россия Ивана Грозного», а именно *опричная Россия*, вызывающая восторг у силовых политиков и структур России наших дней. Достаточно прочесть школьные учебники истории, чтобы понять, чего стоил стране опричный эксперимент (возможно, в полной мере не завершённый). На торжественных открытиях памятников Ивану Грозному говорят, как правило, одни и те же далекие от научных представлений оценки, восходящие к «строительной» доктрине Русского единого централизованного государства. Царь, согласно этому учению, был в своем роде гениальным инженером, который создал или прозрел сверхзадачу — создать единую, неделимую,

* «Парсуна» Ивана Грозного выставлена в экспозиции на паперти храма рядом с макетом собора Василия Блаженного. Она создана в 1920-е гг. Е. И. Брягиным. Источником для реплики послужил Титулярник 1672 г. (Портреты... 1903: Л. 26). Свидетелями религиозного почитания были сотрудники музея, которые и сообщили мне об этом неформальном культе (Сарачева 2013: 38–39, 47–48, 82–83).

величайшую в мире Православную Русскую империю*. Абсурдность этого и подобных взглядов в свете исторических источников уже многократно отмечалась <...>

Удивление вызывает архаизм самой концепции «памятника Ивану Грозному». Памятник в эпоху всеобщего недоверия, прежде всего, легко превращается в объект насмешек и иронии. Этот механизм запускается моментально, если художественный объект основан на агрессивной идеологии, китче или далеко от жизни пафосе. В народе бродят рассказы о том, как замерз кран, когда «ставили» Фридриха Энгельса на Кропоткинской. Множество наименований конструируют за лучшее ерничество по поводу «железного человека» на Гагаринской площади в Москве. Как только не называли «Пик коммунизма» в Питере! Снос «Ленинов», едва намеченный дискуссиями 2008 г. и взрывом у Финляндского вокзала в том же Санкт-Петербурге в апреле 2009 г., поутих после начала украинского «Ленинопада». Впрочем, кое-где и в России Ленина то перекрашивают, то высмеивают, но воспринимается это все еще как покушение на святое. Сколько усилий предпринималось, чтобы убрать из Москвы убожество «В ознаменование 300-летия российского флота»! Ни о какой мыслимой эстетике не может быть речи, когда обсуждается Владимир Святой на Боровицкой площади! Сотни «памятников святым» представляют интерес с точки зрения соединения несоединимого, например, православной святости и идолопоклонства. Складывается ощущение, что лобби безвкусицы много лет назад получило секретное задание засорять городские ландшафты в нашей стране выдающимися нелепостями и гигантскими выражениями невыразимого. <...> Памятники нового ампира засоряют культурный эфир теми шумами, с которыми на словах борется само же имперское лобби: Россия в этих истуканах предстает как страна гипертрофированного империализма, эстетической невоспитанности и прямолинейной пропаганды. В заключение процитируем еще раз работу С. А. Еремеевой о взлете и падении монументальной про-

* <...> Согласно В. В. Потомскому, Иван IV «великий русский государь, собиратель земель русских, человек, который сохранил для нас с вами православную веру и не позволил никому посягать на нашу с вами территорию». Об укреплении единства Русского государства при Иване Грозном говорил и В. Р. Мединский. Цена вопроса была значительно ниже, чем в эпоху религиозных войн во Франции, хотя, конечно, Иван Грозный, по словам министра, не «мать Тереза и Махатма Ганди» (ТАСС 2016). А. А. Проханов восхвалял Ивана Грозного за возрождение страны «из праха». <...>

паганды в СССР. Монография «Памяти памятников» была закончена буквально за год до появления первого Ивана Грозного в каменной России: «Последовательная работа церкви в направлении монументальной коммеморации смущает души представителей светской власти: не так широко и последовательно, но вполне регулярно они на всякий случай открывают похожие друг на друга памятники русским царям и отмечаются в символически важных местах; вот и в Александровском саду после Гермогена появился памятник Александру I (одновременно напоминающий не только всех недавних бронзовых Романовых, но и памятник Александру Невскому, восходящий к Эйзенштейну, в Усть-Ижоре)» (Еремеева 2015: 451).

На этом фоне трудности скульптора В. Н. Селиванова в наши дни вполне объяснимы: ему приходится создавать «канонический образ» Ивана Грозного, чтобы он был «не похож» на определенных царей, но при этом был в полной мере похож на них как на великих царей. <...> Зритель на реке Оке или на реке Серой не должен вглядываться в скульптурные черты, ища сходство с тем, что никому не известно, но как-то наверняка отличается от Бориса Годунова... Не обязательно знать историю, потому что это может помешать проникнуться теми эмоциями и идеями, которыми наполнены новые царственные кумиры... Допустим, нас ждет еще памятник Ивану IV в Казани или на пути в Белую Русь в Рузе.

Хорошо бы не знать, глядя на них, как именно поступили воины Ивана Грозного с татарами, отказавшимися принять христианство после взятия Казани в 1552 г., с католическими монахами, православными еретиками и иудеями в Полоцке в 1563 г. или с сотнями оговоренных по «слову и делу» в Александровской слободе в годы опричнины и после ее официального упразднения. Сколько можно было бы поставить памятников, если бы хотелось хоть кого-то вспомнить, кроме величественного царя-объединителя!.. Лучше не задумываться, не лучше ли было всех погибших и умерших в том далеком XVI в. сразу жестко послать по известному адресу: ведь они не справились, а он — справился. Или иначе: ведь это не они справились, а он справился, в том числе расправляясь с ними... Но, конечно, можно просто смотреть на эти не очень художественные воплощения нескольких незамысловатых идей, скорбеть по чему-то утраченному, чему-то недостигнутому и не слишком напряженно думать о дальнейших судьбах Родины...

Источники и материалы

«В неделю 2-ю Великого поста...» 2014 — «В неделю 2-ю Великого поста...», 16 марта 2014 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/3607063.html.

Дилетант 2017 — Дилетант: «Памятник Ивану Грозному появится в Рузе», 19 февраля 2017 г. URL: diletant.media/news/34237043/.

Ерусалимский б/д — Ерусалимский К. Ю. Дело о картине Репина. URL: istorex.ru/page/erusalimskiy_kyu_delo_o_kartine_repina.

ЖЖ 2016 — ЖЖ блогера: URL: pantv.livejournal.com/1236795.html (18 октября 2016 г.).

Журнал «Историк» б/д — Журнал «Историк». С. Ю. Шокарев «Иван Грозный и его сын». URL: xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%d1%83%d0%b1%d0%b8%d0%b2%d0%b0%d0%bb-%d0%bb%d0%b8%d0%b2%d0%b0%d0%bd%d0%b3% d1%80%d0%bd0%b7-%d0%bd%d1%8b%d0%b9%d1%81%d0%b2%d0%be%d0%b5%d0%b3%d0%be%d1%81%d1%8b%d0%bd%d0%b0/.

Зебра 2019 — Зебра: «Иван Грозный вернулся в Александров. Скульптуру царя установили на постамент, торжественное открытие памятника намечено на субботу, 7 декабря», 20 декабря 2019 г. URL: zebra-tv.ru/novosti/jizn/ivan-groznyu-vernulsya-v-aleksandrov-skulpturu-tsaryau-ustanovili-na-postament-torzhestvennoe-otkryti/.

«Золотой гроб царевича Дмитрия» 2018 — «Золотой гроб царевича Дмитрия», 12 сентября 2018 г. URL: <https://www.ridus.ru/news/282785>.

Интерфакс 2016 — Интерфакс: «Памятник Ивану Грозному открыли в Орле», 14 октября 2016 г. URL: www.interfax.ru/russia/532502.

Интерфакс 2017 — Интерфакс: «Памятник Ивану Грозному собрались установить в подмосковной Рузе», 16 февраля 2017 г. URL: www.interfax.ru/russia/550240.

<...>

Историк б/д — Историк: «Иван Грозный: за и против». URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D0%B8%D0%B2-%D0%B0%D0%BD-%D0%B3%D1%80-%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B-%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82-%D0%B8%D0%B2/>.

Лекция 2019 — Лекция А. И. Филюшкина «Иван Грозный и сын его Иван», Третьяковская галерея, 2 июня 2019 г. URL: www.youtube.com/watch?time_continue=53&v=dXBzjdZLQPE&feature=emb_title.

«Лицевой свод Ивана IV» 2014 — «Лицевой свод Ивана IV», 2 апреля 2014 г. URL: ruvera.ru/articles/licevoiy_svod_ivana_groznoho.

Медиапортал 2019 — Медиапортал Государственного исторического музея. С. Ю. Шокарев. Лекция «Иван Грозный и сын его», 4 декабря (лекция состоялась 13 ноября) 2019 г. URL: mediashm.ru/

?p=15586&fbclid=IwAR3rf BuTIiLSFWJSDxANiOcrbzk7yJa6pwHv0 hNouaLAM2qI05VCjE85YPk#15586.

Москва 24 2017 — Москва 24: «Появится ли в Рузе памятник Ивану Грозному», 22 марта 2017 г. URL: www.m24.ru/videos/pamyatniki/22032017/140322.

Мослента 2017 — Мослента: «В Мосгордуме сочли незаконной установку памятника Ивану Грозному», 27 июля 2017 г. URL: moslenta.ru/city/v-mosgordume-sochli-nezakonnoi-ustanovku-pamyatnika-ivanu-groznomu-27-07-2017.htm.

Н. Подосокорский 2013 — Н. Подосокорский, 8 января 2013 г. URL: philologist.livejournal.com/3269493.html.

«Посещение...» 2017 — «Посещение Лебединского горно-обогатительного комбината», 14 июля 2017 г. URL: kremlin.ru/events/president/news/55052.

Про Владимир 2019 — Про Владимир: «Памятник Ивану Грозному вернулся на постамент в Александров», 6 декабря 2019 г. URL: provladimir.ru/2019/12/06/pamjatnik-ivanu-groznomu-vernulsja-na-postament-v-aleksandrov/.

Радио Свобода 2017 — Радио Свобода: «В Москве установили памятник Ивану Грозному», 26 июля 2017 г. URL: www.svoboda.org/a/28639124.html.

<...>

РБК 2017 — РБК: «В Рузе заявили о планах установить памятник Ивану Грозному», 17 февраля 2017 г. URL: www.rbc.ru/rbcfreenews/58a62e449a794730675ca529.

РИА Новости 2016 — РИА Новости: «С крестом и на коне — первый в РФ памятник Ивану Грозному открыли в Орле», 15 октября 2016 г. URL: ria.ru/20161015/1479301739.html.

РИА Новости 2016а — РИА Новости: «Россияне рассказали, как они оценивают роль Ивана Грозного в истории», 8 ноября 2016 г. URL: ria.ru/20161108/1480880186.html.

РИАМО 2017а — РИАМО: «Памятник Ивану Грозному хотят установить в Рузе», 16 февраля 2017 г. URL: riamo.ru/article/193830/pamyatnik-ivanu-groznomu-hotyat-ustanovit-v-ruze.xl.

РИАМО 2017б — РИАМО: «Памятник Ивану Грозному в Рузе будет добрым и семейным», 21 февраля 2017 г. URL: riamo.ru/article/194774/pamyatnik-ivanu-groznomu-v-ruze-budet-dobrym-i-semejnym.xl.

Сатирическое издание 2019 — Сатирическое издание ИА «Панорама»: «Картину Матисса “Танец” уберут из экспозиции Эрмитажа из-за пропаганды сексуальных оргий», 5 октября 2019 г. URL: panorama.pub/23882-kartinu-matissa-uberut.html.

ТАСС 2016 — ТАСС: «Первый в России памятник Ивану Грозному открыли в Орле», 14 октября 2016 г. URL: tass.ru/v-strane/3705649.

ТАСС 2018 — ТАСС: «В Третьяковке вандал нанес серьезные повреждения картине Репина “Иван Грозный”», 26 мая 2018 г. URL: tass.ru/proisshestviya/5238382.

ТВК 2016 — ТВК: «В Красноярском крае художник поставил памятник Ивану Грозному в виде кола», 25 октября 2016 г. URL: tvk6.ru/publications/news/21912/.

Телеканал «Россия Культура» 2019 — Телеканал «Россия Культура», 9.12.2019. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/353585/.

«Ученые выявили...» б/д — «Ученые выявили единственный прижизненный портрет Ивана Грозного». URL: artchive.ru/news/2682-Uchenyevyjavili_edinstvennyj_prizhiznennyj_portret_Ivana_Groznogo (дата обращения: 16.12.2019).

Царьград 2016 — Царьград «Памятник Ивану Грозному: В преддверии открытия», 31 июля 2016 г. URL: tsargrad.tv/articles/pamyatnik-groznomu_19302.

Шокарев б/д — Шокарев С. Ю. О новом нападении на картину И. Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года». URL: istorex.ru/page/shokarev_syu_o_novom_napadenii_na_kartinu_ie_repina_ivan_grozniy_i_ego_sin_ivan_16_noyabrya_1581_goda.

Эра познания б/д — Эра познания Э. Виталий Пенской «Эпоха Грозных царей. Становление Российского государства». URL: www.youtube.com/watch?v=-ViE8KX8WL8.

<...>

Salt Zone 2017 — Salt Zone: «В подмосковной Рузе на месте памятника Сталину могут установить памятный камень», 3 октября 2017 г. URL: salt.zone/news/9627.

Tsargrad 2016 — URL: tsargrad.tv/articles/pamyatnik-groznomu_19302 (31 июля 2016 г.).

Youtube 2015 — URL: www.youtube.com/watch?v=QU4Dk6FdS3k (17 декабря 2015 г.).

Youtube 2016 — URL: www.youtube.com/watch?time_continue=268&v=TiQMkeуBKS&feature=emb_title (14 октября 2016 г.).

Библиографический список

Александров, Володихин 1994 — *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1994.

Богатырев 2011 — *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *SSBP*. 2011. № 1 (9). С. 176–178.

Бордюгов 2019 — *Бордюгов Г. А.* Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М., 2019.

Володихин 2010 — *Володихин Д. М.* Иван IV Грозный. М., 2010.

Герасимов 1965 — *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения института археологии Академии Наук СССР. 1965. Вып. 100. С. 139–142.

Дубровский 2005 — *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

Еремеева 2015 — *Еремеева С. А.* Памяти памятников: практика мемориальной коммеморации в России XIX — начала XX в. М., 2015.

Ерусалимский 2009 — *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского: исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1.

Игина 2014 — *Игина Ю. Ф.* Шлем Ивана Грозного? К вопросу о владельческой надписи // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2014. Вып. 11. С. 104–129.

Иоанн (Снычев), митр. 2017 — *Иоанн (Снычев), митр.* Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. М., 2017 (1-е изд. — 1994 г.).

Калугин 1998 — *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.

Кнорре 2011 — *Кнорре Б.* Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм // Религия и российское многообразие / под ред. С. Филатова. М.; СПб., 2011.

Кобрин 1989 — *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989.

Коробьин 2003 — *Коробьин Г.* Трактовка личности Иоанна Грозного в книге «Самодержавие Духа» // Искушение наших дней. В защиту церковного единства. М., 2003.

Красилин 1999 — *Красилин М. М.* Портрет царя Ивана Грозного. Век XVII и век XX // Пространство жизни. М., 1999. С. 503–513.

Лобин 2019 — *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019.

Мутья 2010 — *Мутья Н. Н.* Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.

Панова 2017 — *Панова Т. Д.* Яды в борьбе за власть. Россия. XI — начало XVII в. М., 2017.

Портреты... 1903 — Портреты, гербы, печати большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.

Самойлова 2004 — *Самойлова Т. Е.* Василий III Иоаннович. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 122–123.

Самойлова 2010 — *Самойлова Т. Е.* Иоанн IV Васильевич. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23.

Сарачева 2013 — *Сарачева Т. Г.* Музейная летопись Покровского собора. К 90-летию открытия музея / отв. ред. А. Д. Яновский. М., 2013.

Столярова, Белоусов 2014 — *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: новая версия // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 7–10.

Судьбы творческого наследия... 2015 — Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015.

Уханова и др. 2019 — Уханова Е. В., Жижин М. Н., Андреев А. В., Пойда А. А., Ильин В. А. Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественнонаучными методами // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 2. С. 13–29.

Филюшкин 2016 — Филюшкин А. И. Сотворение Грозного царя: зачем Н. М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 123–130.

Филюшкин 2017 — Филюшкин А. И. Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси? // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7. С. 382–397.

Флоря 2009 — Флоря Б. Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009.

Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А. Л. Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» // Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 5–17.

Шапошник 2006 — Шапошник В. В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006.

Шокарев 2017 — Шокарев С. Ю. Прение о царе Иване в Историческом музее // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 67–74.

Шокарев 2017а — Шокарев С. Ю. Убил ли Иван Грозный своего сына? // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 12–27.

Юрганов 2011 — Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

Янушкевич 2007 — Янушкевич А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007.

Bushkovitch 2014 — Bushkovitch P. Possevino and the Death of Tsarevich Ivan Ivanovich // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55. № 1–2. P. 119–134.

Kämpfer 1978 — Kämpfer F. Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen: Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978.

Kämpfer 1985 — Kämpfer F. Die “parsuna” Ivans IV. in Kopenhagen — Originalporträt oder historisches Bild? // Essays in Honor of A. A. Zimin / ed. by D. C. Waugh. Columbus, Ohio, 1985. S. 187–204.

Lehtovirta 1999 — Lehtovirta J. Ivan IV as Emperor. The Imperial Theme in the Establishment of Muscovite Tsardom. Turku, 1999.

Onasch 1961 — Onasch K. Ikonen. Berlin, 1961.

Perrie 2001 — Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin’s Russia. Houndmills, 2001.

Platt 1999 — Platt K.-M.-F., Brandenberger D. Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under IV Stalin // Russian Review. 1999. Vol. 58. № 4. P. 635–654.